Перекрёстки

N 1-2 / 2013

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

Европейский гуманитарный
университет

Европейский гуманитарный университет
Центр передовых научных исследований и образования (CASE),
проект «Социальные трансформации в Пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 1–2/2013
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Журнал включен в международные базы данных
EBSCO-CEEAS (Central & Eastern European Academic Source)
и Indexed in the MLA International Bibliography

Журнал выходит с 2001 г.

Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: perekrestki@ehu.lt

Формат 70x108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,78. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153 Vilnius

На обложке использован фрагмент картины Яна Матейко «Битва под Грюнвальдом» (1878).

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

THE FOCUS OF ATTENTION

REVIEWS

Эхо прошлого звучит в будущем

Адам Михник

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, РУССКИЙ ВАРИАНТ[I]

Нет в мире такого государства, которое не занималось бы какой-нибудь «исторической политикой». Все и всюду учат истории, финансируют научные проекты, направленные на изучение прошлого, отмечают юбилеи важных исторических событий, возводят памятники национальным героям. Следовательно, если появляются утверждения, что нужно заняться «исторической политикой», нужно отдавать себе отчет: речь идет не о начале, а об изменении – выработке нового взгляда на историю, почитании новых героев, сооружении памятников вчерашним одиозным личностям, культивировании новых национальных праздников. И тогда неизменно приходит на память формула советского историка Михаила Покровского: история – это политика, осуществляемая с оглядкой назад. Прошлое оказывается так же нелегко предсказуемым, как и будущее.

Стремление к «новой исторической политике» – это всего лишь утверждение нового видения истории. Более того, это утверждение ориентировано не столько на историков, сколько на государственную власть, которой надлежит содействовать этому новому видению истории. Государство должно стать арбитром, устанавливающим правду о прошлом.

Для людей, знакомых с историей XX в., в этой идее нет ничего нового. Однако власть неоднократно стремилась с помощью новой версии истории легитимировать свои собственные инициативы. Новая версия истории призвана научить общество восхищаться властью и одобрять ее

I Перевод с польского Ж.В. Некрашевич-Короткой с любезного разрешения автора. Выполнен по: A. Michnik. Dwie dekadu wolności. Polityka historyczna, wariant rosyjski. Tom 6, s. 311–321.

инициативы, т.е. совершенство власти должно быть подтверждено усовершенствованной версией истории.

Попытки сделать это мы наблюдаем сегодня во многих посткоммунистических странах: новая власть стремится обрести легитимацию в докоммунистическом прошлом. Повсюду появляются «национальные патриоты», которые утверждают – и реализуют – «новую историческую политику». В Чехии клеймили Вацлава Гавела за слова сочувствия в связи с грубым выселением судетских немцев в 1945 г. В Словакии предложили реабилитировать кс. Тисо и словацкое государство, образованное под покровительством Гитлера. В Румынии стремятся вернуть былую славу режиму Антонеску, в Венгрии становится героем адмирал Хорти, а в Хорватии – Анте Павелич. Каждый из этих споров о выборе традиции и об исторической правде был в то же время спором о политике и аксиологии. И все же понимание того обстоятельства, что кс. Йозеф Тисо был национальным героем, требует одной образовательной стратегии; понимание того, что он играл роль прогитлеровской марионетки, – другой; наконец, учет того, что он был жертвой сложной и трагической истории Словакии, – третьей.

Таким образом, того, кто призывает к «новой исторической политике», следует спросить, какой взгляд на историю он намерен пропагандировать.

I

С определенного времени специфические стычки наблюдаются и в Польше. По мнению одного из известных философов и политиков, после 1989 г. в новой, независимой Польше пришли к выводу, что память о прошлом является препятствием и следует освободиться от багажа истории, чтобы он не был одним из факторов, влияющих на принятие решений в Польше. Распространилось убеждение, что следует произвести своеобразную операцию на сознании польского общества, так как поляки нуждаются в своеобразном «бичевании сознания», чтобы приспособиться к новому времени. Известный философ и политик не пояснил, к сожалению, кто именно из политиков пришел к идее «бичевания сознания» для поляков и кто провозгласил, что осознание прошлого является неким препятствием.

Другой, не менее известный философ пошел еще дальше. Идею интеграции Польши с Европейским союзом он сформулировал при помощи изящной сентенции: «Хотите в Европу – избавьтесь от национальной истории». Теперь уже невозможно узнать достоверно, кто сформулировал такое требование – Мазовецкий, Куронь, Геремек, Бальцерович? А может, «Gazeta Wyborcza»? С другой стороны, кто же не зааплодирует, восхищаясь глубокомысленностью фразы: «нельзя отказываться от национальной идентичности»!

Кто вместе с тем не погрузится в печальные размышления, если известный политик провозглашает «кризис полонизма» и замечает при этом, что идентич-

ность польского народа подвергается значительному ослаблению, что в наши дни поднялась волна явного нежелания заглянуть в прошлое, что звучит девиз: «Польская традиция, польская история стали препятствиями в деле быстрой модернизации страны». «Дело дошло даже вот до чего, – тревожно взывает наш политик, – и чем дальше, тем больше это становится очевидным: американцы глубоко убеждены в том, что это поляки уничтожали евреев».

Почему же в течение стольких лет не было никакой реакции на все это с польской стороны? Так вот: именно потому, что элита «Солидарности» в 1980-х гг. в значительной степени состояла из людей, имевших в своих биографиях те или иные связи с ПНР. Связи долгие и тесные либо недолгие, но интенсивные. И это не только благодаря ПОРП[1] либо СПМ[2], но и благодаря различных другим сомнительным организациям. Позже эти биографические трудности оказывали большое влияние на положение человека. Помимо этого, большинство представителей той элиты придерживалось левых взглядов. Так, элита «Солидарности» отвергала коллективную память и историческую традицию.

Что же теперь делать? «В этой ситуации, – говорит известный политик, – следует переломить национальный комплекс неполноценности, весьма сильный в Польше, чтобы постепенно преодолеть кризис полонизма, кризис польской идентичности. Ведь мы и так знаем, кто виновник, а кто жертва».

Другой не менее известный политик откровенно замечает, что государство должно провозглашать следующей тезис: «Патриотизм лучше, чем отсутствие патриотизма», а «гордость за польскость лучше, чем отсутствие гордости за польскость». Это напоминание весьма ценно, поскольку, как всем известно, после 1989 г. было провозглашено, что «отсутствие патриотизма лучше, чем патриотизм», а «отсутствие гордости за польскость лучше, чем гордость за польскость».

Тем временем юный энтузиаст «новой исторической политики» дополняет рассуждения политиков следующей рискованной конклюзией: даже однопроцентная инфляция не поможет тем, кто ассоциируется с «польскими концентрационными лагерями», шантажистами, антисемитизмом и католическим мракобесием. Юный энтузиаст не поясняет, где и у кого Польша Мазовецкого и Куроня, Геремка и Бальцеровича, Бартошевского и Квасьневского ассоциировалась с «польскими концентрационными лагерями»; где Польша Иоанна Павла II, архиепископа Юзефа Жициньского, епископа Тадеуша Перонка и ксендза Юзефа Тишнера ассоциировалась с католическим маркобесием. Но разве можно требовать так много?

II

Единственное, что может подбадривать в этой ситуации, – понимание того, что у братьев славян, в Москве, ситуация ничуть не лучше. Там тоже уже на протяжении более десяти лет мы слышим призывы к «новой исторической поли-

тике» и возгласы о том, что России необходимо вернуть ее истинную память и национальную гордость. Вчитываясь в жалобы и нарекания великорусов, мы без труда обнаруживаем в них знакомые нотки. Как говорят в Варшаве, слова свои, музыка деверя.

У братьев славян сложилась неплохая традиция в области «исторической политики». Ее практическое претворение в жизнь в XIX в. прекрасно описал Стефан Жеромский в «Сизифовом труде». Былые свершения великорусских поклонников великорусского отечества поляки вспоминают недобрым словом. Но все-таки это были невинные шалости в сравнении с «исторической политикой» эпохи Иосифа Сталина.

В 1945 г., когда в Ялте шли переговоры относительно нового мироустройства, на экранах кинотеатров Москвы появился фильм Сергея Эйзенштейна о царе Иване Грозном. Фильм был снят с большим размахом, явившись одним из тех образов, которые формируют коллективную память и создают всеобщую мифологию, без которой невозможна новая идеология государства. Сам Сталин предложил Эйзенштейну снять этот фильм.

История о диктаторе XVI в. должна была убедительно объяснить логику поступков Сталина, диктатора XX в. Какое представление об Иване Грозном формировал этот фильм? Он был человеком умным, писал рецензент того времени, и одержимым великой идеей, а в аппарате власти он приобретал ту силу, которую должен был использовать во имя отечества; это был дальновидный политик и великий военачальник. Фильм показывал «жесткую борьбу царя с боярами за социализацию власти и за ее монолитный характер, что было необходимо для защиты важнейших интересов России». За этот фильм – первую часть истории об Иване Грозном – Эйзенштейн получил сталинскую премию.

Со второй частью фильма было, увы, сложнее. Эйзенштейн представил там сцену, как перед фреской с изображением Страшного Суда царь Иван с сожалением вспоминает о своих жертвах и раскаивается в своих грехах. Это уже не соответствовало «новой исторической политике». Сталин рассердился. Центральный комитет ВКП(б) выступил с критикой в оценке фильма. Рецензенты тут же сменили тон. Оказалось, что Эйзенштейн позволил себе недопустимые искажения в процессе изложения исторических фактов: «передовое войско опричнины было представлено подобным шайке дегенератов вроде американского Ку-Клукс-Клана, а сам Иван Грозный, человек сильной воли и твердого характера, предстает словно некий безвольный, не способный к принятию решений Гамлет».

Эйзенштейна и Николая Черкасова, великого актера, исполнившего роль царя, вынудили к самокритичному покаянию в присутствии Сталина, Молотова и Жданова. Сталин разъяснял Эйзенштейну: царь был великим и мудрым правителем. Мудрость Ивана Грозного заключалась в том, что он не допускал в Россию иностранцев и тем самым уберег страну от чужеземных влияний. Он

ввел монополию на внешнюю торговлю (во второй раз это сделал Ленин). Была ли ошибкой жестокость царя? Нет, напротив: ошибкой было то, что он до конца не расправился с пятью великими родами. Если бы он это сделал, тогда вообще не было бы смуты (времени кризиса 1605–1613 гг.). «Иван Грозный, – подытоживал Сталин, – кого-то там убивал, а потом раскаивался и молился. Бог помешал ему в этом деле».

К несчастью, упоминание Бога ни в чем не помешало Сталину. Несколько позже покаянно бил себя в грудь и автор музыки к фильму Сергей Прокофьев. «Новая историческая политика» показала свой оскал.

Современний российский историк, связанный с лагерем демократов, который описывал крестные муки Эйзенштейна, был автоматически обвинен «русскими патриотами» в «национальном нигилизме». Ведь для демократа Иван Грозный является символом абсолютной власти, свободной от ограничений, жестокой и непредсказуемой, – и именно поэтому такой привлекательной для националистов, обожаемой ими.

«Русский патриот» видит в Иване Грозном того, кто преодолел эпоху слабой и разобщенной России. Еще недавно эпоху Горбачева и Ельцина расценивали как период новой смуты, кризиса государства и упадка России. Сегодня «русский патриот» охотно припоминает слова Сталина, утверждавшего, что все нападали на Россию. «Били ее монгольские ханы, – писал Сталин, – били турецкие беи. Били шведские феодалы. Били ясновельможные польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за ее отсталость».

Ярослав Браткевич, автор исследования о великорусском шовинизме, обратил внимание на то, что Сталина с Иваном Грозным объединяло стремление к полной централизации власти; кроме того, по его мнению, оба они требовали от чиновников полной лояльности по отношению к верховному правителю, чему должны были способствовать регулярные чистки, суть которых состояла в удалении непокорных и неудобных. Опричнина была инструментом для организации чисток, при этом сама она в конце концов стала их жертвой. Сталинской опричниной был аппарат безопасности чекистов.

Для «русского патриота» Сталин является тем человеком, который модернизировал Россию и победил в войне с ее врагами. Так, как некогда Иван Грозный. Поэтому «русский патриот» любит хорошо думать об Иване Грозном. В особенности сейчас.

III

Валентин Распутин, истинный великорусский патриот, а кроме того, знаменитый писатель-прозаик, весьма удручен враждебным отношением всего мира к русскому патриотизму. Ведь приемлют же все украинский национализм. Все-

общим одобрением и уважением пользуются национализмы, порожденные «фестивалем суверенитетов», – литовский, эстонский, молдавский, грузинский или узбекский. Каждый из них получил свою долю симпатии и поддержки со стороны мирового общественного мнения, хотя был оружием, разбивающим Советский Союз. В наши дни то же общественное мнение переориентировало свои симпатии в отношении таких национализмов, как татарский, бурятский или якутский. Ставя перед собой цель разбить Россию, оно настраивает их против того народа, который в течение многих лет реально объединял эти нации в единое могучее государство.

Почему все это происходит? Потому что в эпоху Горбачева и Ельцина – так же как непосредственно после большевистской революции – у руля государства оказались люди, в реальности ненавидящие историческую и национальную Россию. При таком положении вещей народ онемел от удивления. На него хлынула лавина пропаганды, вызвавшая процессы разложения, которые вели к отмиранию национальной идентичности. Существует ли еще русский народ, спрашивает Распутин. И отвечает: теперь остается только верить, что национальные чувства и память о прошлом еще не до конца уничтожены.

По мнению Игоря Шафаревича, выдающегося математика, многолетнего критика советской действительности, близкого Солженицыну, Россия оказалась перед лицом угрозы полного уничтожения, обвинения же со стороны патриотических сил в великорусском шовинизме и империалистических наклонностях – лишь ничтожный способ заглушить последние вопли жертвы.

Что же делать в этой ситуации? По мнению критика и историка литературы Вадима Кожинова, борьба с подражанием Западу, с бездумным переносом западной культуры на российскую почву неизбежна. Нельзя примиряться лишь с теми, кто отождествляет «русскую идею» с кафтаном и крестьянскими лаптями, с монархизмом, с изоляцией от внешнего мира. Речь не идет об изоляции как таковой, а лишь о духовном суверенитете, которому угрожают как внутренние, так и внешние враги. Необходимо порвать с манией самобичевания, оплевания российской истории. Русские – в большей мере, чем другие народы, – склонны к тому, чтобы бить себя в грудь и каяться в своих грехах. Наилучшее тому доказательство – публичное и добровольное покаяние за преступления эпохи правления Сталина. А ведь никто не принуждал к этому Россию по окончании победоносной войны с Гитлером, никто не требовал этого от России – в отличие от Германии или Японии.

Сейчас, однако, самобичевание перешло все границы: «мы уже начали обвинять себя в том, в чем никакой нашей вины не было». Приведем пример: Россия троекратно принимала участие в разделах Польши вместе с Австрией и Пруссией. «Однако же, когда Польша объединилась, – пишет Кожинов, – а произошло это лишь в 1945 г., оказалось, что на землях, находящихся под властью Австрии и Пруссии, уже практически не было поляков, они жили на тех землях, которые были отделены от России».

Или взять хотя бы обвинения России в антисемитизме. Трудно возразить, что определенной части общества антисемитизм – хотя и в умеренной форме – действительно присущ. Однако – напоминает «русский патриот» – «в течение всего периода проживания евреев на этнически русских территориях не было ни одного погрома. Погромы происходили в Польше, Молдавии, в меньшей степени на Украине».

Интерпретаций такого рода у «русского патриота» предостаточно. Стоит ли их исправлять? Стоит ли вспоминать элементарные факты из истории Польши? Стоит ли уточнять, где можно было селиться евреям на территории Российской империи?

IV

«Русский патриот» терпеть не может русского демократа, который имеет наглость писать критически об истории России. Русские демократы – это люди, которым нет никакого дела до национальной традиции и чувства русского единства: они смотрят на народ как на материал, из которого можно вылепить все, что хочется. Они, демократы, поборники «критического патриотизма», являются наследниками большевиков – ведь это же Бухарин писал: «Давайте превращать русских в коммунистов любыми методами – вплоть до экзекуции».

В то же время источник русской идентичности заключается в органическом характере развития народа и государства, в духовности русских, а не в западных идеях парламентаризма, индивидуализма или рыночного хозяйства. Именно поэтому стержнем «русской идеи» является православная Церковь – единственный институт, который существует непрерывно более тысячи лет, в то время как все остальные сметались ураганами истории. Под влиянием Церкви сформировался русский народ, отбрасывая чужие, иностранные проекты. В этом заключается красота русской истории.

Многократно звучали лживые слова о том, что «Россия была тюрьмой народов». Но давайте, говорит «русский патриот», посмотрим на Великобританию. Что случилось с бритами? Они были мужественным сильным народом. И этот народ был полностью уничтожен англичанами, которые значительно позже приплыли из Дании и поселились на острове. От бритов осталось только название. Или вот еще пруссы – наиболее развитый прибалтийский народ. Немцы стерли их с лица земли. А Франция? Что случилось с гасконским и бретонским народами? Французы их ликвидировали. А что сделали американцы с индейцами? Истребили их! Так как же тогда реагировать на ложь о России – «тюрьме народов»? Ведь русские не истребили ни одного народа. Это Европу и Америку можно назвать «кладбищами народов».

Иногда, морщится «русский патриот», раздаются голоса о русской Черной сотне. Но ведь это не была антисемитская организация, только анти-

революционная. Эти люди предвидели, что революция неизбежно приведет к несчастьям и смерти миллионов людей. Поэтому они старались предотвратить революцию. Предводители Союза русского народа (официальное название Черной сотни) принадлежали к разным народам многонациональной России: Владимир Пуришкевич был молдаванином, были там немцы, были и евреи. Если Черная сотня заклеймила какую-то национальность, то лишь потому, что именно ее представители были поджигателями революции.

Риторический вопрос касательно большевистской революции задает «русский патриот»: кем были ее предводители, что это за люди? И охотно иллюстрирует свой ответ карикатурой 1920-х гг. Там изображены две группы страстно спорящих людей. С одной стороны – Сталин-Джугашвили, Орджоникидзе, Микоян, Енукидзе, с другой – Троцкий-Бронштейн, Зиновьев-Апфельбаум, Каменев-Розенфельд. А под рисунком подпись: «И поспорили славяне, кто Русью править должен».

Давайте взглянем на личный состав аппарата безопасности, предлагает «русский патриот». Вплоть до смерти Сталина в нем не было русских. Правильно, был короткий период руководства Ежова, назначенного для того, чтобы нанести удар по нерусскому – главным образом еврейскому – элементу в органах безопасности и в партии, но вплоть до 1937 г. террором руководили нерусские, в основном еврейские, руки. Этих людей – берманов, френкелей и т.д. – ничто не связывало с русской историей, с русской национальной традицией.

В 1930-е гг. и позже, добавляет «русский патриот», правили Сталин, Каганович, Молотов, Берия. Один только Молотов был русским. Зато XX съезд КПСС, положивший начало реабилитации жертв репрессий и депортированных народов, совпал с принятием браздов правления людьми, этническое происхождение которых было чисто русским.

Если «русского патриота» спросить насчет Украины, он ответит, что «русские, украинцы и белорусы – три ветви одного и того же национального древа, которые были разделены в эпоху монгольского ига. Поэтому на четыре века эти территории Руси перешли под власть Польши и Литвы. Эти три ветви должны и в дальнейшем принадлежать общему древу».

«Русский патриот», конечно же, не является антисемитом. В истории России вообще не было антисемитов, за исключением ничего не значащих отбросов общества. Так зачем же столько говорить и писать об этом? Зачем русские демократы клеймят антисемитизм? Затем, отвечает «русский патриот», что среди людей, пытающихся навязать России чужую ей систему ценностей, много евреев. В то же время «русский патриот» отличается широким кругозором, он присматривается ко всему в мире, читает книги и изучает статистические данные. Он без труда постигает, что «евреи контролируют все американские средства массовой информации, что они захватили в свои руки всю экономическую и по-

литическую власть в Соединенных Штатах». И задумывается: «Разве это справедливо, что американская администрация должна подчинять всю (например, ближневосточную) политику интересам еврейского меньшинства?» Бедные американцы…

Прерываю эти рассуждения «русского патриота», хотя можно было бы процитировать еще много его интересных мыслей о России, ни в чем не виноватой и всегда обиженной, о процветающем расизме (в Латвии), об угнетении и дискриминации украинцев (со стороны поляков) и абхазцев (со стороны грузинов), об имперских амбициях (чеченцев)…

V

Все цитаты и выводы я почерпнул из одной-единственной книги – «Пункт пятый» Вадима Кожинова (Москва, 2005). Ее автор представляет скорее умеренное крыло лагеря «великорусских патриотов».

Я читал эту книгу с какой-то нездоровой увлеченностью. Впрочем, мне знаком этот тип навязчивой идеи, эта разновидность комплекса неполноценности, объединенного с самовосхвалением и лицемерием, эти методы самолечения посредством крикливой мании величия и фальсификации собственной истории. Мне знаком также этот стиль дискредитации и диффамации выдающихся личностей; попытки лишить достоинства людей, прославившихся своей честностью и смелостью, путем клеветы и инсинуаций, умаление и извращение их заслуг, пренебрежение к ним.

Возьмем Александра Солженицына. Многие не разделяют его политических взглядов, но каждый готов склонить голову перед его героизмом в борьбе с советским тоталитаризмом. В то же время у «русского патриота» можно прочитать, что «Солженицын был репрессирован за то, что защищал канонические, ортодоксальные коммунистические взгляды».

О великом музыканте Мстиславе Ростроповиче, избравшем судьбу эмигранта в знак несогласия с советской диктатурой, читаем, что он «был одним из самых близких друзей министра внутренних дел Щелокова. За границу он выехал именно тогда, когда лишился своего покровителя, который делал для него все, что возможно, – и в материальных вопросах, и в вопросах идейных (так, он разрешил, чтобы на даче у Ростроповича поселился Солженицын)».

А вот и Виктор Некрасов, писатель, прославившийся своей независимостью и критицизмом, подписант множества коллективных протестов, который эмигрировал в условиях полного запрета на публикацию своих произведений. «Русский патриот» поясняет: «Он уехал тогда, когда лишился всеобщего признания, которое пришло к нему после публикации повести “В окопах Сталинграда” (за нее он получил сталинскую премию)».

Вчитаемся повнимательнее – и сразу же становится видно, что это за компания, эти разрекламированные авторитеты: ортодоксальный коммунист,

близкий друг министра внутренних дел, лауреат сталинской награды… Разве такие люди заслуживают звания «русского патриота»?

Что ж, Антон Чехов называл патриотизм такого рода «последним убежищем для бездельников». Об этом следует помнить, постигая суть спора относительно «новой исторической политики». Ведь эту «новую историческую политику» можно использовать как обоснование автократической власти, которой еще нет. Будем же надеяться, что никогда не появится, и сделаем все для этого! За вышеизложенной концепцией стоит старая, грубая, но могучая идеология, идентифицирующая агрессивный национализм с религиозной верой, понимаемой как стержень национального самоопределения. Эта идеология утверждает и показывает необходимость объединения нации вокруг власти. Эта идеология переформулирует историю как панораму перманентной войны «наших» – безвинных и мужественных героев – с врагами, подлыми и жестокими. Таким образом, эта идеология требует врага, а если его нет, то она с легкостью выдумывает его. Он должен объединять в себе черты врага внутреннего (чужого) и внешнего (хитрого и скрытого), которого нужно разоблачить. Враг необходим, поскольку народ должен объединиться для эффективной защиты от него.

Внутренний враг России – это все демократы либо все те, кто «не чувствует связи с русской душой». К счастью, в среде русской интеллигенции их много. Это они защищают честь и достоинство великой русской культуры, споря с преемниками Черной сотни и сталинской имперской спеси. Это они слышат от «русских патриотов»: «Довольно самобичевания! Долой единство позора – да здравствует единство славы!» Понятное дело – имперской национальной славы великорусов. И вот они отвечают словами Лермонтова:

Прощай, немытая Россия,
страна рабов, страна господ…

Именно в них – надежда для России, и не только для нее. Жаль только, что в России все громче и громче раздаются в наши дни голоса «великорусских патриотов», а голос демократов становится все тише и тише. Но разве только в России затихает этот голос?

VI

У того явления, которое я описываю, есть два разных названия. Работая над этим текстом, я использовал определение «новая историческая политика». Она имеет различные формы, вписывается в различные варианты осмысления истории. В России она часто принимает форму апологии диктаторско-реформаторского прошлого, а также прошлого черносотенного, прошлого православно-славянофильского и прошлого сталинско-большевистского.

В Польше эта «новая историческая политика» может проявляться как распространение тоталитарного национально-радикального образца, а также

образца умеренного, национально-демократического. Она может также апеллировать к апологии маршала Юзефа Пилсудского, искренне не выносившего национал-демократизма и антисемитизма, либо к «санационной»[3] риторике, сформировавшейся после смерти Пилсудского, пытавшейся заигрывать с национально-радикальным лагерем. Но она не допускала компромисса с лагерем национальной демократии.

Было бы исторической фальсификацией идентифицировать Петра Столыпина с Черной сотней, а пилсудчиков – с народно-радикальным лагерем. Это были совершенно разные системы ценностей.

Тем не менее у самозваных наследников этих традиций есть одна общая черта – вера в то, что наука о прошлом должна безоглядно служить не правде, а текущим политическим интересам.

Кто понимает таким образом историческую науку, перестает быть слугой общества и становится прислужником правящих элит. Но прислужники – плохие воспитатели для общества свободных людей.

Приступая к спору о смысле «новой исторической политики», Бронислав Геремек подчеркивал, что следует отдать приориотет критическому анализу, поскольку только он вносит правду в повседневную жизнь. Роль истории – в этом Геремек согласен с Полем Рикером – заключается не в пересказе хрестоматий и воспроизведении картинок из прошлого; она является «введением в культуру правды как нравственной ценности, как ценности самой в себе. Манипулирование, инструментализация истории, напротив, уничтожает это убеждение».

VII

«Что же будет с Россией?» – спросил я недавно в Москве своего друга Григория. Он ответил мне анекдотом: «В 1917 г. Чапаеву задал вопрос его ординарец Васька[4]: – Василий Петрович[5], наша революция победила. Что же будет с нами, с Россией через 20 лет? Чапаев задумался. – Что ж, Васька, через 20 лет будет 1937 год…».

Ну что ж, посмотрим…

Примечания

1 ПОРП – Польская объединенная рабочая партия.
2 СПМ – Союз польской молодежи.
3 Санация – лагерь сторонников Юзефа Пилсудского.
4 Sic!
5 Sic!

Блэр Э. Рубл

РАЙ, ГДЕ ОБИТАЮТ ЧЕРТИ: ОПЕРА В НЕАПОЛЕ ВРЕМЕН ИСПАНСКИХ ГАБСБУРГОВ И НЕАПОЛИТАНСКИХ БУРБОНОВ[I1]

Часть I

Некоторые города возводятся для торговли, другие – по религиозным причинам, какие-то – по государственной необходимости.

Неаполь начался с песни.

Берринджер Фифилд,

1996[2]

Неаполь в период правления вице-королей испанских Габсбургов в 1503–1700 гг. и Бурбонов, продолжавшийся с перерывами с 1734 до 1861 г., был тем местом, где будущее европейской музыки стало ее настоящим. Неаполитанцы с успехом привнесли музыкальные формы среднего и низшего класса в музыку высшего класса. Таким образом они вложили силу и энергию собственного города в развитие европейской классической музыки. Неаполь был чем-то бóльшим, нежели «столицей музыки мира»[3]. Это был тот котел, в котором европейская музыка впитала живительную силу простолюдинов. Неаполитанские исполнители и композиторы изменили оперу, представив на сцене противоречия повседневной жизни их города. После чего принялись изменять все европейские музыкальные формы по мере распространения последних на континенте. Черты этого неаполитанского открытия XVII–XVIII вв. можно обнаружить в операх и симфониях XIX и даже XX в.

I Перевод с английского К. Ткачёва, магистра полит. наук. Выполнен с любезного разрешения автора.

Стремление Бурбонов к обретению легитимности обеспечивало финансовую и политическую поддержку музыке, имевшей отличительные неаполитанские черты. Опера, в частности, давала возможность правителям Неаполя и их подданным эпохи Бурбонов объединяться в период конфликтов и согласия. Другими словами, опера в Неаполе XVIII в. стала благодатной почвой для творческого общения в условиях многочисленных парадоксов города. Тем не менее центральное место музыки в жизни Неаполя времен испанских Габсбургов и неаполитанских Бурбонов едва ли позволяет отличить этот период от любого другого в более чем двухтысячелетней истории города. В конце концов, город был основан, по легенде, благодаря песне.

Если верить Гомеру, Одиссей стал первым моряком, устоявшим перед искушениями Неаполитанского залива. Одиссей слышал о печально известных сиренах – полуженщинах, нимфоподобных полуптицах, зазывавших моряков на смерть столь сладостными песнями, что никто не мог устоять. Возвращаясь с Троянской войны, он залил уши своей команды пчелиным воском и привязался к мачте, пока их корабль не отдалился на безопасное расстояние от соблазна. Разозлившись из-за неудачного соблазнения жертв, одна из сирен – Парфенопа – утопилась в море. Первоначальное поселение на берегу залива, согласно сказаниям, возникло на том месте, где ее выбросило на берег, и названо оно было ее именем[4].

Различные поселения, скучившиеся у залива, в том или ином виде ведут свою историю со II тыс. до рождества Христова. С тех пор этот регион остается одним из величайших культурных центров, существовавших когда-либо. «Притягательность данного места, – напоминает нам Бенджамин Тейлор, – в том, что его не тронула история. Спросите себя, как будут выглядеть Нью-Йорк или Чикаго через двадцать пять веков. Воображения не хватает»[5]. Хоть Тейлор и прав, утверждая, что нашей фантазии недостаточно, сами неаполитанцы редко жаловались на воображение.

Меж Аполлоном и Дионисом

Греческие колонизаторы основали город Партенопия, находившийся там, где сегодня стоит замок Кастель-дель-Ово – плацдарм для последующей колонизации западного Средиземноморья. Их города, включая «новый город» Неаполис, росли вдоль побережья залива как грибы после дождя, пока поселенцы поклонялись богу рациональности и постоянства Аполлону. Близлежащая гора, известная нам как Везувий, напоминала им Нису, священную гору Диониса. Вскоре они перебрались на ее склоны, где совершали обольстительные ритуалы плодородия и обновления. Древние и византийские греки веками преобладали в городах залива, создав местную культуру, вобравшую в себя рациональность Аполлона и чувствительность Диониса[6].

Греки быстро оценили, что Неаполитанский залив является одним из лучших мест на планете для жизни человека. Окружающая среда залива на самом деле столь совершенна, что местным жителям редко приходилось быть предприимчивыми. Им всего-то нужно было жить дарами земли и моря, поскольку благодаря мягкому средиземноморскому климату, наличию безопасной гавани, лазурному небу и морю цвета индиго растительность была пышной; способствовали этому также широкий слой питательной вулканической почвы и комфортный период вегетации. В 326 г. до н.э. победоносные римляне захватили контроль над морем. Местные греки делали все возможное, чтобы прибывающие римляне остались в плену их чар. Как пишет Тейлор, будучи побежденным в военном отношении, «Неаполь продолжал культурную экспансию в Рим»[7].

Известные римляне, включая завоевателя Востока Лукулла[I], начали строить большие виллы для жизни после ухода на покой, превращая регион в элитный курорт[8].

Два тысячелетия спустя австралийский автор романов и детективов (исключительно неаполитанское сочетание) Питер Робб объясняет произошедшее: «Оставаясь греческим и совершенно не будучи политическим актором в регионе, Неаполь стал тем, чем не был Рим. Плата за безопасность включала духовное унижение для более древнего города, но эта сделка также несла высокую степень свободы для Неаполя. Неаполитанцы могли позволить себе быть несерьезными. Свободу взращивать свой греческий сад, не осознавая, насколько римляне были в восторге от греческой культуры. Оставаться греческим означало своего рода месть, мягкую незаметную силу»[9].

Увы, жители этого рая на земле постоянно находились под угрозой почти моментального уничтожения вулканом Везувий. Названный «красным» из-за периодически вытекавшей из кратера лавы, вулкан извергался, неся разрушения, как тогда, когда он уничтожил римские портовые города Помпеи и Геркуланум в 79 г. н.э.[10] Неаполитанцу любого столетия было достаточно лишь взглянуть на грозную гору поблизости, чтобы вспомнить о мимолетности человеческого бытия.

Вулкан подтверждает замечание Перси Биши Шелли о том, что Неаполь – это «столица разрушенного Рая»[11]. Австрало-англо-американский исследователь Неаполя Ширли Хэззард замечает, что неаполитанский смысл жизни «постоянно наполнен осознанием смерти, что делает наименьшее удовольствие дарованным богом, фаталистски списывая любое несчастье на сурового помощника богов, *Il Destino*[II]»[12]. Время в Неаполе, продолжает Хэззард, течет медленно, «но в городе у вулкана невозможно забыть о том, что человек смертен»[13].

[I] Луций Лициний Лукулл (лат. Lucius Licinius Lucullus) – римский полководец, политик, консул в 74 г. до н.э.

[II] Участь, рок (итал.)

В таких обстоятельствах неаполитанцы, естественно, искали спасения, где только могли. Постоянная «бессмертная взаимозависимость христианских и языческих душевных переживаний», по словам Тейлора, является отличительной чертой местной культуры вплоть до сегодняшнего дня[14]. Десятки тысяч неаполитанцев многие столетия верили, что в критические моменты в истории города их спасал св. Януарий. Разжижающаяся кровь обезглавленного христианского мученика почитается как останавливающая самое ужасное влияние землетрясений, лавы, пепла и смертоносного газа, которые извергались с ужасающей регулярностью на протяжении веков[15]. Такой экстравагантный делирий лежит в основе того, что подразумевается под «неаполитанским». Как замечает современный урбанист Мозес Гейтс, городской «хаос оказывается вовсе не хаосом, когда вы поймете некоторые вещи»[16].

Галлюцинаторное возбуждение

Политическая нестабильность, как кажется, сопровождает естественное непостоянство жизни на геологической пороховой бочке, в чем убедились римляне, столкнувшись с великим восстанием рабов под предводительством Спартака в Помпеях в 73 г. н.э.[17] На протяжении многих лет городом то хорошо, то посредственно управляли ряд властителей и династий, многие из которых были связаны с самими неаполитанцами весьма отдаленно. Древние и византийские греки преобладали в регионе даже после прибытия римлян. С приходом норманнов в середине XII в. фактической независимости был положен конец, после этого на протяжении шести веков в Неаполе властвовали иноземцы[18]. Даже самое простое хронологическое перечисление сменявшихся правящих режимов может многое сказать о политических бедствиях города. Здесь правили этруски, кумейцы, греки, римляне, византийцы, неаполитанские герцоги, норманны, швабские Гогенштауфены, анжуйцы из современной Франции и арагонцы из современной Испании, испанские и австрийские Габсбурги (включая периоды, известные как «переходные»), Бурбоны, партенопейские республиканцы, французы Бонапарта во время еще одного «переходного периода», Бурбоны после реставрации монархии, революционеры Рисорджименто[I], итальянские савойские роялисты, фашисты, американские оккупанты и итальянские республиканцы[19]. История Неаполя в действительности столь сложна, что известный британский историк Джон Джулиус Норвич, автор авторитетной истории Средиземноморья «The Middle Sea», был вынужден выразить сочувствие своим читателям. При описании династических конфликтов в Неаполе XIV в. Норвич сдался в отчаянии и предупредил, что «мы не ждем от читателя внимательного прочтения этой части, как и последующей, включенной в кратком варианте лишь для того, чтобы показать ту пучину, в которую погрузилась политика в Неаполе»[20].

[I] Возрождение, обновление (итал.) – эпоха объединения Италии.

Любой город, переживший многие годы исторических «переходных периодов», конечно же, многократно страдает от хищных захватнических режимов. Как результат, неаполитанцы научились не доверять иностранным властителям, формируя культуру, в которой, по утверждению Берринджера Фифилда, «ложь вернее правды, [поскольку] ложь открывает истинные мечты и желания лжеца»[21]. Неудивительно, что Неаполь, слаборазвитый регион Кампания, частью которого является город, и вся южная Италия возникли из этого хаоса как олицетворение политического фиаско[22]. Выберите столетие наугад и увидите Неаполь, переполненный скучившимися бедняками, осаждаемый свирепствующими болезнями, периодически возникающей чумой и ужасными эпидемиями, стонущий под бременем эксплуатации человека человеком в любых возможных формах, абсурдных социальных перекосов и прозаической глупости. Стоит ли удивляться, что со времен Средневековья город широко известен как «рай, где обитают черти»[23].

Кто бы ни были эти неаполитанские черти, они оказались глубоко человечны. Их прочно укоренившаяся гуманность вскормила интеллектуальную, культурную и чувственную красоту. Сочетание естественной привлекательности и опасностей Неаполя сформировало живую культуру, которая со времен первых эпикурейцев отмечается как отчетливая комбинация чувственного веселого гедонизма и суровой святости, язычества и набожности. Неаполь стал домом для изобретателей пиццы и шоколадного мороженого, с одной стороны, и основателей бесчисленных религиозных орденов, с другой. Для некоторых путешественников город являлся и является не намного бóльшим, нежели скопление храмов, мужских и женских монастырей, сочетающих местную религию и архитектуру пуританского покаяния с галлюцинаторным возбуждением[24]. Однако религиозность в городе распространялась настолько, насколько инквизиторские попытки испанских властителей были остановлены народными восстаниями в 1510 и 1547 гг.[25]

Даже беглое перечисление мыслителей и деятелей искусства, родившихся, воспитывавшихся или проживших продуктивные периоды жизни в городе, вызывает благоговение. Вергилий, Плиний Старший, Плиний Младший, Фома Аквинский, Джованни Бокаччо, Франческо Петрарка, Джотто ди Бондоне, Караваджо, Мигель де Сервантес, Джамбаттиста Базиле, Томмазо Кампанелла, Хосе де Рибера, Фаринелли, Алессандро и Доменико Скарлатти, Пьетро Метастазио, Джамбаттиста Вико, Джоаккино Россини, Гаэтано Доницетти, Мэри Шелли, Энрико Карузо, Габриэле Д'Аннунцио, Пабло Неруда, Бенедетто Кроче, Альберто Моравиа, Софи Лорен, Серджио Бруни, Лина Вертмюллер, Массимо Раньери, Пеппе Барра и Марадона – в некоторой степени все являются произведениями радости и пафоса, которыми так славится Неаполь[26].

Любой город, который может предъявить такой список связанных с ним людей, должен быть чем-то бóльшим, нежели сточная яма людской деградации.

Заслуженное порицание, столь часто бросаемое Неаполю, должно смягчаться высокой оценкой его творческой природы. Порицание и восхищение могут и вовсе быть не различными явлениями, но лишь гранями единой химической реакции природы и человека за время тысячелетнего симбиоза. Вероятно, слияние рая и ада – так называемых «высокой» и «низкой» культур – является основой творческого импульса Неаполя.

Робб запечатлел этот выразительный импульс в конце XX в. Для Робба Неаполь стал «затейливым сообществом переполненных городских пространств и случайным смешением классов; культурой, многое извлекшей из нематериального, неопределенного и эфемерного, высочайшим искусством в котором были музыка и театр и особенности которого были риторическими, эротическими, комическими, барочными, плотскими, метафизическими; чувственностью, попеременно лениво материальной и сурово абстрактной, клирной и инстинктивной, уникальной и последовательной. Неаполь подарил миру мороженое [*sic*], пиццу, оперу-буффа[I] и трансвестизм как вид искусства. Неаполь очаровал Вергилия, Бокаччо, Стендаля, угнетал и внушал отвращение маркизу де Саду, Рёскину, Сартру. Неаполь заполонил картины Караваджо и оперы Моцарта. Неаполь стал родиной полиморфного порока, а местами в нем до сих пор можно узнать греческий город из “Сатирикона” Петрония Арбитра в конце XX в.»[27].

Как же эти неаполитанские ангелы и черти, населяющие один и тот же рай, могли быть так творчески созидательны на протяжении стольких тысячелетий? Столетиями авторы, в том числе неаполитанские, искали ответ, показывая, что любая мерка для Неаполя так или иначе не соответствует стандарту. В данной работе задачи менее амбициозны. Обращаясь к одному очень незначительному моменту в великой истории Неаполя – созданию оригинальных форм оперы в XVII–XVIII вв., – мы пытаемся раскрыть некоторые из путей трансформации культуры в таком калейдоскопическом делирии, как Неаполь.

Испанское правление

Расцвет неаполитанской оперы в XVIII в. стал результатом сложного периода взлетов и падений во всех сферах местной жизни. Правление испанских вице-королей, продолжавшееся два века, завершилось, когда в 1700 г. Карл II Габсбург умер, не оставив наследника. В Европе началась Война за испанское наследство. Чтобы оценить значение краха испанского господства над Неаполем, следует обратиться к его истокам. Испанское правление было сложным периодом в истории Неаполя. В XVI в. шла непрерывная война на море между исламом и католическим христианством за контроль над Средиземноморьем[28]. С возрастанием угрозы мусульманского вторжения и рейдов на морское побережье Франция, Испания, Венеция и Рим усиленно искали варианты сдерживания (на-

I Шуточная опера (итал.) – итальянская комическая опера.

пример, ужасные братья Барбаросса и десятки других самопровозглашенных морских защитников веры) оттока богатств и молодых мужчин к исламским налетчикам[29].

Борьба накалилась до предела. Испанцы не могли позволить себе поражение. Жестокая реальность разожгла длительный конфликт между испанцами и их французскими соперниками после упадка Арагона в конце 90-х гг. XV в. В конце концов Неаполь, по началу с согласия местного населения, оказался в 1503 г. под полным контролем испанцев. Однако, как отмечает Робб, испанское правление оказалось «не тем решением, которое видел для себя Неаполь. Неаполитанцы понятия не имели, как долго собирались оставаться эти люди. Два века спустя они все еще находились в городе. Неаполь слишком поздно осознал, чего стоило присоединение к империи. Предыдущие короли Неаполя, французские или испанские, были иностранцами, ставшими неаполитанцами и отождествлявшими свои интересы с интересами того места, где они жили. Теперь же королевство стало вице-королевством, а Неаполь – вассальным городом, управляемым согласно приказам из Мадрида. Ни босые голодранцы, ни украшенная плюмажем аристократия на лучших лошадях не могли себе представить в конце 1503 г., что их город будут рассматривать из Мадрида как перевалочный военный пункт, источник дохода и живой силы для заморских войн Испании. Испания включила Неаполь в империю, господствовавшую над миром, которая вскоре стала демонстрировать признаки серьезного перенапряжения»[30].

Испанская гегемония продлилась до начала XVIII в. В 1707–1734 гг. город находился под властью двоюродных братьев Карла – австрийских Габсбургов. Бывшее Королевство обеих Сицилий распалось на отдельные государства, как это часто бывало в прошлом: одно имело столицу на острове в Палермо, а второе – на полуострове в Неаполе[31]. Когда страсти в 1734 г. наконец улеглись, Палермо и Неаполь оказались в руках Карла Бурбона и оставались во власти Бурбонов столетие с четвертью[32].

Два века правления испанских и австрийских Габсбургов (1503–1734) сыграли во многом положительную роль в истории Неаполя. Правители города поощряли демонстрацию «великолепия» и «роскоши», среди прочего покровительствуя строительству величественных зданий с богатым декором из дорогих материалов[33]. Для повышения своей легитимности и укрепления доверия среди населения, которое продолжало оставаться глубоко подозрительным и настороженным по отношению к иностранным правителям, они уделяли много внимания общественным ритуалам, устраивали проезды по улицам и фестивали[34].

Испанский Неаполь стал одной из величайших метрополий в мире, являясь в первой половине XVI в. крупнейшим городом под властью испанской короны, а в течение следующего века соперничая с Парижем за второе место после Лондона среди европейских городов[35]. Растущее население, просторные дворцы, богато украшенные церкви и монастыри, напыщенные городские пейзажи Не-

аполя и растущая заграничная торговля отличали город от любого иного места на континенте[36]. Это было именно то, что сегодня ученые и турагенты назвали бы «мировым городом»[37].

Испанцы сделали все, чтобы город не пал легкой жертвой внешнего вторжения или внутренних мятежей. Неутомимый испанский вице-король дон Педро Альварес де Толедо, железной рукой правивший городом от имени Испании в 1532–1552 гг., полностью изменил его, перестроив или отстроив основную сеть старых и новых фортификационных сооружений, контролировавших командные высоты вокруг Неаполя, а также его оживленную прибрежную часть[38]. Отремонтированная «прекрасная и пугающая крепость Сант-Эльмо нависала над городом, видимая из любой его части и постоянно напоминающая о себе. В прибрежной части находился замок Кастель Нуово, массивный, укрепленный, с башнями, обнесенный рвом; а в полутора километрах выдающийся в море, по-военному брутальный Кастель-дель-Ово лязгал цепями, готовый отбросить флоты, предоставить место для размещения войск и бросить в темницу врагов государства. Замок Капуано у восточных ворот города» завершал оборонительную линию, которая и поныне доминирует над городским ландшафтом Неаполя[39].

Чтобы облегчить движение войск по оккупированному городу, Толедо проложил стрелоподобную улицу, которая до сих пор носит его имя[40]. Для размещения солдат он, последующие вице-короли и чиновники, ставшие проектировщиками, проложили в городе густую сеть улиц с высокими зданиями, похожими на бараки, полными солдат, и местным населением, зависевшим от них. Длительное время известный как «Испанский квартал» (Quartieri Spagnoli), этот район славится своими хулиганами, грабителями и проститутками. «Наполненный мятежными наемниками и местными жителями, обслуживавшими их, – отмечает Робб, – квартал никогда не был одним из самых желанных жилых районов в Неаполе»[41].

На континенте, где большинство зданий в это время имели высоту в три, может быть, четыре этажа, положение Неаполя, стиснутого вулканом и морем, способствовало строительству зданий в шесть-семь этажей[42]. Это был, по словам современного биографа Эммы Гамильтон Кейт Уильямс, «город выдающейся роскоши и больших расходов, Лас-Вегас XVIII в.». И далее: «Неаполитанские здания были выкрашены в яркие цвета: гранатово-красный, зеленовато-голубой, синий, розовый, мятный зелёный… [Эта] экстравагантная культура соответствовала Неаполю. Люди, шум и цвет лились из каждой двери. Даже путешественники из Лондона, города с населением, в два раза бóльшим, разинув рты, пялились на толпы. В отличие от Лондона, где бедные скапливались в невидимых невооруженному глазу трущобах, неаполитанцы, казалось, практически все время проводили на улице»[43].

Театральный город многократно выиграл от интеграции в величайшую империю мира[44]. Динамичные иностранные общины поселялись, привносили

новое богатство, идеи и контакты, когда каталанские, голландские, фламандские, флорентийские, французские, немецкие, генуэзские, греческие, еврейские (до изгнания), миланские, португальские, венецианские и, в конце концов, английские купцы открывали свое дело в цветущем городе[45]. Постоянное присутствие иностранцев обогащало местную сцену, хотя и понижало ее ценность в глазах последующих историков искусства (таких как Джорджо Вазари и множество англо-американских авторов), которые ценили «подлинность» культуры, укоренившейся в городе[46]. Динамичное иностранное присутствие в городе отличало Неаполь от других городов на итальянском полуострове[47]. Как утверждает Робб, расцвет местной живописи возник из этого смешения, как, например, когда Микеланджело Меризи да Караваджо появился в городе в начале XVII в.[48]

Вместо того чтобы толковать культурные достижения Неаполя как подтверждение современности и инновации, историки преуменьшали их значение, потому что они не были взращены в самом городе, как это имело место в Тоскане[49]. В противоположность менее крупным городам на севере Неаполь оставался тем местом, куда деятели искусства прибывали на работу, довольно часто покидая город, когда задание было выполнено. Это был город, в котором королевская власть и ее представители (а не мелочные князья и великие герцоги, как в Тоскане) не приобретали, а заказывали произведения искусства. Местные обычаи и практики обычно превращали творцов в обычных наемных работников, а не поощряли их становиться независимыми субъектами или, скорее, членами гильдий, как где-либо в Италии и Европе[50]. Будучи однажды связанными с церковными институтами и двором, самые творческие умы, перья, кисти, резцы и голоса Неаполя не были способны представить захватывающую историю героического гения, как это часто пишется об истории искусства, творческого самопродвижения в обычаях и преданиях Ренессанса. Вместо этого такие прозаические экономические связи способствовали их внедрению в крайне сложные и культурно разнообразные институты[51].

Центр разнообразия

Разнообразие не являлось чем-то новым для сообществ, которые жили вокруг Неаполитанского залива, поскольку регион оставался плавильным котлом языков, культур и религий задолго до прибытия римлян. Британская классицист Мэри Бирд отмечает в отношении Помпей во время их разрушения в 79 г. н.э., что римский город был полон «греческого искусства, еврейской кухни, индийских безделушек, египетской религии и т.д.», поскольку «туземцы, говорящие на местном осканском языке, жили плечом к плечу с греческими поселенцами»[52].

Синкретическое межкультурное смешение можно увидеть во всей истории региона, как в то время, когда ушедший в отставку римский генерал Лукулл сажал вокруг своей роскошной виллы на побережье залива вишневые деревья, унич-

тоженные во время завоевания им римского востока[53]. Французские анжуйцы привезли мастеров-каменщиков и готическую архитектуру, чтобы украсить свою неаполитанскую столицу[54]. Продолжая традицию межкультурной интеграции, местные гурманы изобрели шоколадное мороженое в 1690 г. посредством смешения, по римскому обычаю, ароматизированного льда с сахаром, завезенного из оттоманской Азии, и «недавно открытого» какао, попавшего в город благодаря испанской колониальной торговле с Америками[55]. Более 3000 церквей, женских и мужских монастырей поощряли искусства и теологические исследования[56]. Третий по очередности основания в Италии – и первый финансируемый государством в Европе – университет (основан в 1224 г.) служил одним из основных интеллектуальных центров континента; были основаны важные научные общества – включая Accademia del Secreti[I], Accademia degli Oziosi[II], Accademia degli Incogniti[III], Accademia degli Ardenti[IV], Accademia degli Investiganti[V]; открыли двери сиротские приюты и основные государственные больницы[57].

В 1631 г. произошло разрушительное извержение Везувия. Губительные для общественного сознания последствия были частично смягчены благодаря св. Януарию, который появился в небе перед 300 000 перепуганных неаполитанцев и приказал вулкану прекратить извержение[58]. Одно из наиболее густонаселенных мест в Европе стало чашкой Петри для всех форм природных и социальных инфекций. Землетрясения, голод и чума унесли многие жизни. Знаменитая неаполитанская уголовная организация, известная как «каморра», сформировалась по следам испанского предшественника «Contrafraternita della Guarduna», который был создан солдатами и мелкими уголовниками в Севилье[59]. В результате восстания бедняков, которым руководил рыбак Мазаньелло (Томазо Аньелло) в 1646–1647 гг., вице-король был временно отстранен от власти; в то же время заговор Маккья в 1700 г. мог обеспечить местную независимость[60].

Извержения вулкана и природные бедствия вызывали у неаполитанцев чувство обеспокоенности порочностью и греховностью и заставляли обращаться, с одной стороны, к музыке, легкомысленным занятиям, веселью, а с другой, к молитвам о милосердии и спасении[61]. Местные любители празднеств поощрялись испанскими владыками, которые стремились легитимировать свою власть, используя сложный календарь публичных представлений, привязанных к сельскохозяйственному календарю, персональным жизненным циклам и поворотным событиям в жизни королевской семьи[62]. Двадцать восемь новых святых покровителей, каждый из которых заслуживал крупного общественного праздника, присоединились к первоначальным семи[63]. Только местный герой Януарий тре-

[I] Академия тайн (итал.).
[II] Академия праздных (итал.).
[III] Академия неизвестных (итал.).
[IV] Академия пылких (итал.).
[V] Академия исследователей (итал.).

бовал трех празднований в год[64]. И это объяснимо, поскольку толерантный Неаполь произвел на свет мало собственных христианских мучеников. Даже голова Януария была отрублена в Поццуоли, а не в Неаполе[65].

Вице-короли и аристократия рангом пониже, со своей стороны, часто посвящали празднования с дополнительными публичными представлениями своему общественному положению. В результате, как отмечает историк Джон Марино, «в испанском Неаполе во время правления трех Филиппов (II (1556–98 гг.), III (1598–1621 гг.) и IV (1621–1665 гг. – *Б.Р.*)) публичные церемонии на улицах и площадях, во дворах и церквях Неаполя – регулярные представления постоянных, переменных и особых празднеств в виде религиозных процессий, обрядов, секулярных праздников и народных шествий – не только совмещали религиозное и секулярное, но часто соединяли их воедино»[66].

В театре вековая традиция *commedia dell'arte*[I], исполнявшейся как фарс в традиционном стиле, представляемый на местном диалекте (искусство театрализованного представления, которое берет начало в латинских ателланах[II], впервые поставленных в городе Ателла в Кампании в IV в. до н.э.), достигла расцвета в Неаполе Габсбургов, как и ранее в римском Неаполисе[67]. Шут Пульчинелла в маске, появляющийся как Панч вместе со своей женой Джуди в англоязычном мире, был на пути к тому, чтобы стать символом неаполитанской жизни Средневековья[68]. Веселый обычай народных мадригальных песнопений, зафиксированный монахом-бенедиктинцем Павлом Варнефридом в середине X в.[III][69], продолжал существовать и впоследствии. Народная музыка слилась с духовной, когда народная и официальная музыка встретились – включая вилланеллу[IV], фроттолу[V] и музыкальный аккомпанемент к танцу тарантелла – в классах и студиях четырех главных городских консерваторий времен испанского владычества. К XVII–XVIII вв. Неаполь стал одной из неоспоримых музыкальных столиц Европы[70].

Неаполь Бурбонов

В этот период Неаполь бурно рос, население города удвоилось в XVIII в. с 215 608 в 1707 г. до 435 903 человек в 1798 г.[71] Основную массу составляли лаццарони (названные так в честь проказы, болезни св. Лазаря) – очень бедные люди и обедневшие прожектеры, чья бравада задавала тон местной городской жизни.

I Комедия масок (итал.).

II Ателлана (лат. fabula atellana) – жанр древнеримской народной комедии. Короткие комические импровизационные пьесы, в которых актеры выступали в масках.

III Павел Варнефрид (Павел Диакон) жил в VIII в.

IV Вилланелла (итал. villanella) – жанр итальянской многоголосой лирической песни.

V Фроттола (итал. frottola) – первоначально вокальная пьеса на 3–4 голоса лирического характера в итальянской музыке.

10 мая 1734 г. Карл Бурбон, сын короля Испании Филиппа V и его второй жены итальянки Изабеллы Фарнезе, после наступления своего восемнадцатого дня рождения триумфально прибыл в растущую и энергичную столицу, чтобы заявить свои права на престол. Восторженные толпы пронесли молодого монарха до кафедрального собора, чтобы почтить св. Януария[72]. Святой откликнулся чудом разжижения крови, когда ликующие толпы неаполитанцев наслаждались своим счастьем. Неаполь стал полностью независимым королевством впервые за почти восемь веков. Город праздновал приобретение статуса столицы. Современная историк Джордан Ланкастер пишет: «Период правления Бурбонов… был, пожалуй, самым счастливым временем в истории города, обеспечившим определенную политическую стабильность и независимость, несмотря даже на недостаточное воплощение идей эпохи Просвещения»[73].

Карл принял город, в значительной степени пострадавший за время испанского колониального владения и злосчастного австрийского «переходного периода». Как это всегда случается с основателями нового режима, Карл и его ставленники пытались справиться с вызовом легитимизации собственного правления путем создания новой государственной идеологии. Подобно его испанским предшественникам двумя веками ранее Карл первоначально попытался установить новый физический порядок в столице, изменяя городской ландшафт. Но Бурбоны не имели достаточных возможностей для перестройки города согласно предпочитаемому образу. Ко времени их прибытия население оправилось от опустошительной эпидемии чумы середины XVII в. Неаполь снова стал одним из самых крупных городов Европы с населением, быстро приближавшимся к 300 000 человек, плотность населения была самой высокой на континенте[74]. Жители города были представлены в основном мигрантами из беднеющей сельской местности, разоряемой экономически смертельной комбинацией феодальных прав и широко распространенного бандитизма.

Предыдущие правители оставили в память о себе коллекцию архитектурных памятников, заявлявших о намерении властей контролировать город. Это замок Кастель Нуово XIII в. в гавани, мрачная крепость XIV в. Сант-Эльмо и десятки крупных религиозных учреждений римской католической церкви XVII в. в стиле высокого барокко любых мыслимых видов[75]. Крепость, в частности, стала еще более мрачной после обновления неутомимым вице-королем Толедо, превратившим ее в символ испанского господства. Как упоминалось ранее, он же провел прямую улицу Виа Толедо через центр, чтобы обеспечить свободное перемещение войск по городу (а также покровителей прославленных лавок улицы)[76]. Тем не менее, как отмечает Робб, те существенные изменения, над претворением которых в жизнь работал Толедо и другие испанские властители, «не смогли подчинить своему величию людей, живших среди них… Сам Неаполь жил где-то в промежутках городского ландшафта»[77].

Карлу пришлось оставлять свой след каким-то иным образом. Вспышки насилия, бесчисленные беды в столице способствовали развитию передовой социальной мысли[78]. Это подтверждается работами Паоло Маттиа Дориа, Челестино Галиани, Фердинандо Галиани, Атонио Дженовеси, Саверио Маттеи, Джамбаттисты Вико, их коллег и противников в некоторых из старейших и новых академий, литературных обществ, университетов[79]. Как убедительно пишет один из современных критиков Рисорджименто британский журналист Дэйвид Джилмур: «После Флоренции и управляемого австрийцами Милана Неаполь был лучшим местом для интеллектуалов, живших под симпатизирующим присмотром новых монархов Бурбонов и их талантливых министров. Рим или Турин не потерпели бы присутствия Антонио Дженовеси, вдохновившего многих людей своими идеями радикальных экономических и гуманитарных реформ. В то же время в толерантной атмосфере Неаполя Бурбонов он мог наслаждаться успешной карьерой профессора философии и этики и стать в 1754 г. первым профессором политической экономии в Европе»[80].

Другой современный автор Бенджамин Тейлор обратил внимание на глубоко гуманистические усилия Джамбаттисты Вико, пытавшегося ниспровергнуть безудержный рационализм и идеи натурфилософии Декарта и иных, создавая «новую науку человеческой сущности вещей» (*le cose umane*)[81]. Атака Вико на редукционизм – это предшественник взглядов историзма эпох модерна и постмодерна[82]. Вера Вико в верификацию правды посредством создания и изобретения вместо наблюдения отражает реальность противоречий города, в котором каждый импровизировал, чтобы выжить.

Правители Неаполя не препятствовали развитию передовой социальной мысли, сохраняя позицию безразличия к исследованиям[83]. Сложность социального порядка города, высокая плотность населения подстегивали мыслителей к рассмотрению древних городских моделей, которые невероятно усложняли проведение социальных, экономических и политических реформ[84].

Биограф художника Караваджо Хелен Лэнгдон в конце XX в. пыталась понять, как должен был выглядеть город, в котором художник искал убежище после бегства от смертной казни в Риме в 1606 г. То, что Караваджо обнаружил, должно было быть знакомо Карлу, когда он прибыл в город на столетие позднее. «Красота залива, воспеваемая с древности, была легендарной, а на берегах уровнями поднимались, как в огромном театре, здания, церкви, дворцы и монастыри, окруженные городскими стенами. Все подчинялось осязаемой власти Испании… Богатство дворцов и церковных зданий сделало город одним из чудес Европы. Город сохранил древнегреческую сеть осей, в пределах городских валов невероятно длинные, прямые проспекты (самый известный и модный из них – новый Виа Толедо) были протянуты через центр… Грандиозные рустованные главные входы, украшенные геральдическими гербами, и внушительные фасады с зарешеченными окнами провозглашали высокий статус древних семей,

в то время как насыщение центра города усиливалось благодаря дворцам новой аристократии, высоких чиновников испанского государства и могущественных испанский семей, поселившихся здесь… Дворцы и церковные здания занимали так много места, что остальное население переполняло многолюдные жилые кварталы, а энергичная, шумная и бурлящая жизнь происходила на улицах»[85].

С учетом сложившейся городской среды реставрация города Бурбонами ограничивалась прозаическим улучшением торговли (обновление порта и дорог и разрушение старых городских стен), наведением порядка (например, строительство новых казарм кавалерии) и созданием стратегически расположенных символических объектов (обновленный королевский дворец в городе, а также строительство новых дворцов и парков в Каподимонте, возвышающихся над городом, и в Портичи и Казерте за городом)[86]. Первоначально Бурбоны приняли местную любовь к театральности в стиле барочного триумфализма, что придало многим из их проектов величественный вид, значительно превосходящий их функциональное назначение в городе[87]. Однако доминирующими в городском ландшафте оставались темные, извилистые, запутанные, многолюдные аллеи и глухие улицы, над которыми возвышались шести- или семиэтажные дома.

Карл и его талантливый министр Бернардо Тануччи намеревались также повысить культурную значимость города, обратившись к музыке и местному неоклассицизму во всех видах искусства, которые получили свежий импульс в период, последовавший за обнаружением Геркуланума и Помпей в середине столетия[88]. Они покровительствовали музыке в целом, и опере в частности, чтобы подчеркнуть новое положение города как столицы и повысить репутацию Неаполя в Европе[89]. Эта стратегия по улучшению отношений королевской власти с собственными подданными одновременно повышала престиж молодого королевства в качестве одного из великих центров европейской музыки[90]. К 1739 г. французский автор путевых очерков Шарль де Бросс объявил город «столицей мировой музыки»[91].

Пение во имя легитимности

Многие путешественники из северной Европы были согласны с де Броссом, отмечая, что качество итальянской музыки становилось все лучше по мере продвижения на юг полуострова[92]. Четверть века спустя, в конце 60-х гг. XVIII в., Жозеф Жером Лефрансуа де Лаланд обратился к этому вопросу в путеводителе для французских путешественников по Италии. «Музыка – триумф неаполитанцев», – начинал Лаланд. «Вероятно, – продолжал он, – барабанные перепонки более чувствительны, более привычны гармонии, имеют лучший резонанс в этой стране, чем в остальной Европе; поет вся нация; жесты, модуляции голоса, то, как подчеркивается каждый слог, сама беседа – все демонстрирует чувство гармонии и музыки. Неаполь – это главный источник итальянской музыки, ве-

ликих композиторов и превосходной оперы». Он призывал путешественников посетить представления в одном из пяти оперных театров города: Сан-Карло, Фиорентини, Театро-дель-Нуово, Сан-Карлино (чтобы послушать оперу-буффа) и Театро-дель-Фондо[93]. Великолепное здание оперы Сан-Карло Карла Бурбона было не только величайшим из всех, оно было крупнейшим в Европе на момент открытия 4 ноября 1737 г.[94]

Карл принял испанскую корону в 1759 г., оставив на неаполитанском троне восьмилетнего Фердинанда IV[95]. Фердинанд, ставший известным своим подданным под прозвищем «*il re nasone*»[I] за большой клювообразный нос, оставался у власти почти семь десятков лет – один из самых длительных периодов правления в истории Европы. Историки придумали огромное количество уничижительных эпитетов для монарха и времени его нахождения у власти. Даже благожелательный Джилмур пишет, что «Фердинанд возник как шумный добродушный угловатый юноша, предпочитавший, как и его отец, охоту и ненавидевший чтение, письмо и даже необходимость ставить собственную подпись»[96]. Норвич менее деликатен, замечая, что «Фердинанд – "король-бедняк" (*il re lazzarone*), как его все называли, был инфантильным хамом, который любил лишь охоту и грубые развлечения, не имел ни грамма природного достоинства и хвастался тем, что не прочел ни одной книги»[97].

Многим своим подданным Фердинанд был лучше известен как продавец дневного улова рыбы за маленьким прилавком на главном рынке города, чем правитель или воин на поле битвы[98]. Его волевая супруга Мария Каролина, дочь австрийской императрицы Марии Терезии и старшая сестра Марии Антуанетты, узколобая реакционерка, поощряла консервативные наклонности мужа[99].

Брат Марии Каролины, император Австрии Иосиф II, кратко записал свои впечатления после посещения королевской семьи в 1768 г. Иосиф обнаружил у своего зятя «столь стойкую антипатию к любым нововведениям, столь большую праздность ума и отвращение к любым размышлениям, что можно быть уверенным: он никогда в жизни не размышлял о себе или о своем физическом или духовном существовании, положении, интересах или о своей стране. Он ничего не знает о прошлом и настоящем и никогда не задумывался о будущем; фактически, он изо дня в день ведет жизнь растения, просто убивая время»[100].

К моменту смерти Фердинанда в 1825 г. его владения были обескровлены бесконечными конфликтами провинций и столицы, массовой миграцией из обедневшей сельской местности в Неаполь, мучительным голодом в 1763–1764 гг., сильными землетрясениями (1783 г.), безуспешной кровавой революцией, военной оккупацией французами (французский император Наполеон временно посадил своего брата Жозефа на трон Фердинанда, прежде чем вручить город и регион своему зятю Иоахиму Мюрату), неудачным переходом от абсолютной к конституционной монархии, масонскими заговорами, неумелым отправлением

[I] Большой нос (итал.).

правосудия, бюрократической некомпетентностью, массовой коррупцией, широко распространенным бандитизмом и периодическими приступами абсолютистских репрессий[101]. Как иронично замечает Ланкастер: «Фердинанд не был просвещенным государственным деятелем, каковым был его отец, и ничего так четко не резюмирует различий между отцом и сыном, как два одноименных театра, которые они основали: Сан-Карло для оперы-сериа[I] и Сан-Фердинандо для оперы-буффа»[102].

Карла и Фердинанда вряд ли можно назвать безнадежными дилетантами за такое пристальное внимание к опере как источнику легитимации своего правления. Марта Фельдман утверждает, что связь между таким возникающим оперным жанром музыкальной драмы XVIII в., известным как опера-сериа, и верховной властью была очень явной и непосредственной. «Исследователи прошлого хорошо знают жанр, но считают его непонятным, – пишет Фельдман. – Тем не менее опера-сериа правила бал среди всех музыкальных и театральных жанров в большей части Европы XVIII в. Сочинение музыки или, что было более престижным, поэзии для оперы-сериа напоминало написание сценария сенсационного фильма для компании "Dreamworks". Как драматический жанр, являвшийся аллегорией верховной власти по всей Европе, – от палатина Венгрии до царя России, правителей Англии, Испании, Пруссии и Швеции (действительно везде, за исключением Франции, имевшей свой собственный высокий лирический жанр *tragédie lyrique*[II]) – это был образцовый жанр утонченных лирических театров»[103].

Фельдман развивает свои доводы, замечая, что «везде, независимо от того, какие формы правления преобладали, опера-сериа расцветала в сиянии старорежимной верховной власти. Она расцветала в сиянии мира, нескончаемо отмеченного повторениями социальных иерархий, смыслы которых прямо-таки являются космологическими – имплицитными утверждениями мирового порядка, в котором ранги ниспадали каскадом существования от бога до суверена или правящего класса и далее к различным низшим классам и слоям общества. Непосредственные места расположения и работа таких театров были включены в эту основополагающую политическую модель, несмотря на то что некоторые практики ставили ее под сомнение»[104].

Фельдман предупреждала, что жанр был политически парадоксален. С одной стороны, он поддерживался богатыми покровителями, которые искали подтверждения существующих социальных и политических иерархий; с другой, оперные театры были коммерческими предприятиями, отражавшими экономические обычаи нарождавшейся протокапиталистической буржуазии, которая в конце концов должна была оспорить королевское и аристократическое господ-

I Серьезная опера (итал.) – итальянская опера на основе героико-мифологического или легендарно-исторического сюжета с распределением функции музыки и слова.

II Лирическая трагедия (фр.).

ство на континенте[105]. В этом контексте опера в Неаполе Бурбонов репрезентирует фундаментальные противоречия исторического момента, когда театр Сан-Карло, связанный с королевским дворцом, зависел как от выручки за каждое представление, так и от платы за долгосрочную аренду роскошных лож.

Примечания

1 Я хотел бы использовать эту возможность, чтобы поблагодарить исследователей-стажеров Рогли Д. Нуцци и Элизабет Хиппл за помощь в подготовке данного эссе. Я также хотел бы выразить признательность лекторам Дениэлу и Дженет Спайкс за вдумчивые комментарии и воодушевляющую поддержку.

2 Barringer Fifield. Seeing Naples. Napoli: Electra, 1996. P. 13.

3 Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. New York: Oxford University Press, 1972. P. 1.

4 Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 11; Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. London: Bloomsbury, 2011. P. 80–92.

5 Benjamin Taylor. Naples Declared. A Walk Around the Bay. New York: G. P. Putnam's Sons, 2012. P. 5.

6 Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 11–13.

7 Benjamin Taylor. Naples Declared. A Walk Around the Bay. P. 13.

8 Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 14.

9 Peter Robb. Street Fight in Naples A City's Unseen History. P. 205.

10 Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. New York: I. B. Tauris, 2005. P. 1–6. Важность Везувия для города и его психологии также рассматривается в работе: Shirley Hazzard. The Ancient Shore. Dispatches from Naples. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 35–40.

11 Из произведения Шелли 1820 г. «Ода Неаполю» по цитате в работе: Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 191.

12 Shirley Hazzard. The Ancient Shore. Dispatches from Naples. P. 51.

13 Ibid. P. 55.

14 Benjamin Taylor. Naples Declared. A Walk Around the Bay. P. 13.

15 Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. P. 218–222.

16 Moses Gates, Hidden Cities. Travels to the Secret Corners of the World's Great Metropolises – A Memoir of Urban Exploration. New York: Penguin, 2013. P. 123.

17 Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. P. 214–218.

18 Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 14–15.

19 Обзор этих режимов см. в: Benedetto Croce, History of the Kingdom of Naples, tr. F. Frenaye. Chicago: University of Chicago Press, 1972.

20 John Julius Norwich. The Middle Sea. A History of the Mediterranean. New York: Doubleday, 2006. P. 197.

21 Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 21–24.

22 См., например, противопоставление северной и южной Италии в фундаментальном труде Роберта Патнэма «Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy» (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994). Такая критика может быть не всегда уместной. Как сообщает Джордан Ланкастер, государственные финансы Не-

аполя находились в наилучшем состоянии в Италии во времена Рисорджименто (Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 198).

[23] Средневековое происхождение этого давнего клише, характеризующего город и регион, подробно обсуждается в: Jennifer D. Selwyn. A Paradise Inhabited by Devils. The Jesuits' Civilizing Mission in Early Modern Naples. Aldershot, England: Ashgate Publishing, 2004. P. 21–53. В то время как лежащий в основе миф о неаполитанском рае, населенном нецивилизованными и аморальными жителями, относится еще к XIV в., фактически фраза «рай, где обитают черти» приписывается уважаемым историком Неаполя Бенедетто Кроче флорентийцу Бернардино Даниэлло как указанная в письме, отправленном в 1539 г. Сельвин обсуждает реакцию Даниэлло на Неаполь, а также толкование этого взгляда Кроче почти четыре века спустя (там же, с. 22–26). Также см.: Tommaso Astarita. Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy. New York: W. W. Norton & Co., 2005. P. 159–187.

[24] Enrico Bacco, Cesare D'Engenio Caracciolo & Others, Naples An Early Guide, tr. Eileen Garniner. New York: Italica Press, 1991. P. 9; Helen Hills. Invisible City. The Architecture of Devotion in Seventeenth-Century Neapolitan Convents. New York: Oxford University Press, 2004. P. 3–9, 13–23, 120–160.

[25] Rosario Villari. The Revolt of Naples. Cambridge, UK: Polity Press, 1993; Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. P. 30–32; Benedetto Croce. History of the Kingdom of Naples. P. 37.

[26] Ланкастер рассматривает взаимоотношения всех этих состоявшихся горожан и посетителей Неаполя – и многое другое – в своей культурной истории города (Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples). Многие из них также доминируют в работе Питера Робба о Неаполе XVI в.: Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History.

[27] Peter Robb. Midnight in Sicily [Second Edition]. New York: Farrar, Straus and Giroux. Picador, 2007. P. 205. Утверждение, что мороженое изобретено в Неаполе, является сомнительным, поскольку оно, вероятно, было изобретено около 200 г. до н.э. в Китае. Однако неаполитанцы, вполне вероятно, изобрели шоколадное мороженое в 90-х гг. XVII в.

[28] Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. P. 7.

[29] Ibid. P. 3–12.

[30] Ibid. P. 6–7.

[31] Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 121–123.

[32] Ibid. P. 125–171.

[33] Cordelia Warr and Janice Elliott, «Reassessing Naples 1266-1713», в работе: Cordelia Warr and Janis Elliott, editors. Art and Architecture in Naples, 1266-1713, New Approaches. Chichester, UK: John Wiley & Sons, Ltd., 2010. P. 1–15, 10–11. Более подробно см. информацию о том, как стремление к «великолепию» сформировало некоторые произведения искусства, в работе: John Nicholas Napoli. «From Social Virtue to Revetted Interior: Giovanni Antonio Dosio and Marble Inlay in Rome, Florence, and Naples» (там же, с. 101–124).

[34] John A. Marino. Becoming Naples. Citizen Culture in Baroque Naples. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011. P. 1–27, 234–244.

[35] Ibid. P. 9.

[36] Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 87–93; Tommaso Astarita. Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy. P. 159–160; Helen

Hills. Invisible City. The Architecture of Devotion in Seventeenth-Century Neapolitan Convents. P. 120–160; Cordelia Warr and Janice Elliott. Reassessing Naples 1266-1713. P. 9.
37 Nicholas Bock. Patronage, Standards and Transfert Culturel: Naples between Art History and Social Science Theory // Cordelia Warr and Janis Elliott, editors, Art and Architecture in Naples, 1266-1713, New Approaches. P. 152–175, 169–170.
38 John A. Marino. Becoming Naples. Citizen Culture in Baroque Naples. P. 9–10.
39 Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. P. 15.
40 Ibid. P. 27–30.
41 Ibid. P. 39.
42 Tommaso Astarita. Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy. P. 166–167.
43 Kate Williams. England's Mistress. The Infamous Life of Emma Hamilton. New York: Ballantine Books, 2006. P. 121–122.
44 Обзор эволюции испанской империи в это время, в особенности в Америках, см. в работе: Hugh Thomas. Golden Empire. Spain, Charles V, and the Creation of America. New York: Random House, 2010.
45 Tommaso Astarita. Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy. P. 161–162
46 Вопрос, который рассматривали все авторы совместной монографии: Cordelia Warr and Janis Elliott, editors, Art and Architecture in Naples, 1266-1713, New Approaches. Резюме обсуждения см. во введении в работу под авторством Корделии Уорр и Дженис Эллиот «Reassessing Naples, 1266–1713». Обсуждение особо важной роли Вазари в преуменьшении культурных достижений Неаполя см. в эссе Эйслинн Локонте «The North looks South: Giorgio Vasari and Early Modern Visual Culture in the Kingdom of Naples» (с. 16–38 монографии).
47 John A. Marino. Becoming Neapolitan. Citizen Culture in Baroque Naples. P. 234–235.
48 Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. P. xiv.
49 Nicholas Bock. Patronage, Standards and Transfert Culturel: Naples between Art History and Social Science Theory // Cordelia Warr and Janis Elliott, editors, Art and Architecture in Naples, 1266-1713, New Approaches. P. 152.
50 Cathleen A. Fleck. The Rise of the Court Artist: Cavallini and Giotto in Fourteenth-Century Naples // Cordelia Warr and Janis Elliott, editors, Art and Architecture in Naples, 1266-1713, New Approaches. P. 38–61.
51 Tanja Michalsky. The Local Eye: Formal and Social Distinctions in Late Quattrocento Neapolitan Tombs // Cordelia Warr and Janis Elliott, editors, Art and Architecture in Naples, 1266-1713, New Approaches. P. 62–82; Bianca de Divitiis. Building in local All'Antica Style: The Palace of Diomede Carafa in Naples // Ibid. P. 83–100.
52 Mary Beard. Pompei. The Life of a Roman Town. London: Profile Books LTC, 2008. P. 33.
53 Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 14.
54 Cordelia Warr and Janice Elliot. Reassessing Naples, 1266-1713. P. 3–4.
55 Peter Robb. Midnight in Sicily. P. 311–312.
56 John A. Marion. Becoming Neapolitan. Citizen Culture in Baroque Naples. P. 119–168.
57 Tommaso Astarita. Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy. P. 167–168; Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 115–118; Helen Hills, Invisible City. The Architecture of Devotion in Seventeenth-Century Neapolitan Convents. P. 90–119; Otis H. Green. The Literary Court of the Conde de Lemos at Naples, 1610-1616 // Hispanic Review. Vol. 1. № 4 (1933). P. 290–308.
58 Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 97–99.

59 Ibid. P. 96; Tommaso Astarita. Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy. P. 164.

60 Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 96–98, 119–121; Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. p. 249–254, 297–304, 313–323; John A. Marino. Becoming Naples. Citizen Culture in Baroque Naples. P. 230–232.

61 Helen Hills. The Face is a Mirror of the Soul': Frontispieces and the Production of Sanctity in Post-Tridentine Naples // Cordelia Warr and Janis Elliott, editors, Art and Architecture in Naples, 1266-1713, New Approaches. P. 125–151.

62 John A. Marino. Becoming Neapolitan, Citizen Culture in Baroque Naples. P. 64–157.

63 Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. P. 218–222.

64 Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 101. Мэри Бирд также отмечает важную роль театра в близлежащих Помпеях: Mary Beard. Pompei. The Life of a Roman Town. P. 253.

65 Barringer Fifield. Seeing . P. 129.

66 John A. Marino. Becoming Neapolitan. Citizen Culture in Baroque Naples. P. 22.

67 Ibid. P. 192–195; Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 26–27.

68 Ibid. P. 117.

69 Ibid. P. 45, 109–110.

70 Ibid. P. 109–117.

71 Anna Maria Rao. The Feudal Question, Judicial Systems and the Enlightenment // Girolamo Imbruglia, editor, Naples in the Enighteenth Century. The Birth and Death of a Nation State. New York: Cambridge University Press, 2000. P. 95–117, 97–98.

72 Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 49–50; Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 125–126; Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). London: Methuen & Co., Ltd., 1957. P. 23–28; Dino Carpanetto. Reform in the First Half of the Eighteenth Century // Dino Carpanetto and Giuseppe Ricuperati, Italy in the Age of Reason, 1685–1789, tr. Caroline Higgitt. London: Longman, 1987. P. 140–209, 179–182.

73 Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 126.

74 Dino Carpanetto. Demography, Economy, Classes, and Institutions in Eighteenth Century Italy // Dino Carpanetto and Giuseppe Ricuperati, Italy in the Age of Reason, 1685-1789. P. 1–76, 17–18.

75 Tommaso Astarita. Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy. P. 159–179.

76 Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 99–100.

77 Peter Robb. Street Fight in Naples. A City's Unseen History. P. 24–25.

78 Место неаполитанских социальных мыслителей в контексте Европы Просвещения рассматривается в: John Robertson. The Case for The Enlightenment: Scotland and Naples 1680–1760. New York: Cambridge University Press, 2005.

79 Koen Stapelbroek. Love, Self-Deceit and Money. Commerce and Morality in the Early Neapolitan Enlightenment. Toronto: University of Toronto Press, 2008; Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 115–117; Girolamo Imbruglia. Enlightenment in Eighteenth-Century Naples // Girolamo Imbruglia, editor, Naples in the Eighteenth Century. The Birth and Death of a National State. P. 70–94; Elvira Chiosi. Intellectuals and Academies // Ibid. P. 118–134; Giuseppe Ricuperati. Political Ideas and Pressure from Reform in the First Half of the Eighteenth Century // Dino Carpanetto and Giuseppe Ricuperati, Italy in the Age of Reason, 1685–1789. P. 77–139.

[80] David Gilmour. The Pursuit of Italy. A History of a Land, Its Regions, and their Peoples. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2011. P. 122.
[81] Benjamin Taylor. Naples Declared. A Walk Around the Bay. P. 114–122.
[82] Важность работы Вико для более общих европейских интеллектуальных тенденций рассматривается в: David L. Marshall. Vico and the Transformation of Rhetoric in Early Modern Europe. New York: Cambridge University Press, 2010.
[83] Роль состояния городской среды Неаполя в развитии инновационной социальной философии рассматривается в работе: Barbara Ann Naddeo. Vico and Naples: The Urban Origins of Social Theory. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2011.
[84] Annabel S. Brett. Changes of State: Nature and the Limits of the City in Early Modern Natural Law. Princeton: Princeton University Press, 2011.
[85] Helen Langdon. Caravaggio: A Life. New York: Random House, 1998. P. 319–320.
[86] Dino Carpanetto. Demography, Economy, Classes, and Institutions in Eighteenth Century Italy. P. 18.
[87] Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 131–135.
[88] Dino Carpanetto. Demography, Economy, Classes, and Institutions in Eighteenth Century Italy. P. 126–128; Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). P. 31–34; Shirley Hazzard. The Ancient Shore. Dispatches from Naples. P. 40–47.
[89] Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). P. 35–43.
[90] Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 24.
[91] Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 1.
[92] Dinko Fabris. Music in Seventeenth Century Naples: Francesco Provenzale. Aldershot, UK: Ashgate Publishing, 2007. P. 1.
[93] Цит. по: Jeanne Chenault Porter, editor. Baroque Naples. A Documentary History, 1600–1800. New York: Italica Press, 2000. P. 108.
[94] Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of . P. 131–135.
[95] Позволив многим наблюдателям, таким как Бенджамин Тейлор, среди прочих заключить, что Неаполь под властью Карла находился в самом расцвете, возможно, становился самым захватывающим городом в Европе в годы его правления (1734–1759). Benjamin Taylor. Naples Declared. A Walk Around the Bay. P. 124.
[96] David Gilmour. The Pursuit of Italy. A History of a Land, Its Regions, and Their Peoples. P. 122.
[97] John Julius Norwich. The Middle Sea. A History of the Mediterranean. P. 431.
[98] Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 142.
[99] Кейт Уильямс, современный биограф леди Эммы Гамильтон, представляет сильный и доступный портрет королевы Марии Каролины в работе: Kate Williams. England's Mistress. The Infamous Life of Emma Hamilton. P. 170–229.
[100] Цит. по: Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). P. 148.
[101] Современное научное рассмотрение этого периода можно найти в познавательных эссе, составленных в работе: Girolamo Imbruglia, editor. Naples in the Eighteenth Century. The Birth and Death of a Nation State.
[102] Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 144.
[103] Martha Feldman. Opera and Sovereignty. Transforming Myths in Eighteenth-Century Italy. Chicago, lll.: University of Chicago Press, 2007. P. 5–6.
[104] Ibid. P. 6.
[105] Ibid. P. 7.